

нение, возраст окончания школы имеет устойчивую тенденцию к увеличению. В конце XX в. в западных странах образовательные требования для выпуска рабочей силы установлены между 16 и 18 годами — и это невзирая на ухудшение качества преподавательского состава и учебных планов в последней трети столетия.

Дополнительное обучение в техническом училище дает еще 2 года учебы, а получение степени выпускника колледжа задает возрастную планку в 21–22 года. Более того, выпускная степень в университете требует еще 4–5 лет, а обучение специалистов для получения ученой степени занимает дополнительно от 4 до 6 лет. Всего получается 32–33 года. Однако время обучения может быть безболезненно сокращено и без применения политики «дескулеров». Последние предлагали отказ от школьной дисциплины и настаивали на введении приближенных к жизни форм обучения — таких как плетение корзинок вместо изучения физики, математики и литературы. Сама концепция была построена на идеях прагматизма Д. Дьюи. Восстановление классического образования позволило бы сделать выпускников средних школ более компетентными, нежели сегодняшние выпускники университетов. Так, Л. Ларуш отмечает, что «Сегодня большая часть времени обучения в общественных школах расходуется на плохие учебные программы, еще более плохие учебники и ужасные учебные планы, которые разрабатываются преподавателями, некомпетентность которых растет из года в год. В случае проведения означенных, необходимых для общеобразовательных школ реформ выпускник такой школы уже овладел бы программой, читаемой сейчас на первом, втором, третьем и следующих годах обучения студентов, а также развил способности к обучению, значительно превышающую ту, которой обладают сегодня студенты последних курсов в системе высшего образования. Это означает, что общее время обучения, необходимое для получения академической степени, может быть уменьшено до приблизительно четырех лет: сокращая высшее образование до двух лет, а аспирантуру до максимум 2–3 лет»¹.

Однако было бы неверно полагать, что накопление знаний предполагает изучение их в той же последовательности — прогресс в фундаментальных науках упрощает понимание больших информационных массивов и сокращает время обучения. Это значит, что возраст окончания школы не увеличивается бесконечно и не превращается в непрерывное образование — он лишь приближается к своему максимуму и остается в пределах 16–25 лет, за которыми могут следовать эпизодические курсы дополнительного образования, необходимость в которых задается требованиями технологического и социального прогресса: только соединение обучения с научными исследованиями обеспечивает высокое качество подготовки специалистов, высокий образовательный уровень и качество жизни граждан.

Примечания

¹ Ларуш Л. Х., мл. Вы на самом деле хотели бы знать все об экономике? М., 1992. С.164–165.

*С.Н. Некрасов
(Екатеринбург)*

ВУДУ-ЭКОНОМИКА И ВУДУ-КУЛЬТУРА ПОСТИНДУСТРИАЛИЗМА

В конце XX в. человечество вступило в период Второго экономического кризиса, перешедшего в первый экономический кризис XXI в. Ножницы между экономическим упадком и раздутыми финансовыми структурами раскрылись до предела. Ежедневный объем физической мировой торговли (12 млрд долларов) резко контрастирует с ежедневным объемом спекулятивных финансовых сделок — 400 млрд долларов! Мировая экономика стоит ныне на огромной пирамиде взаимосвязанных долгов — нагромождение финансовых пузырей разорвало реальную связь между экономическими показателями и их номинальными финансовыми значениями. Поток капитала превышает товарный поток в 25 раз... Симптомы разрушения финансовых структур становятся все более наглядными. А.С. Панарин пишет: «Обществу грозит переворот, возвращающий в рабовладельческую эпоху, причем в наихудшем варианте. Производители финансовых фикций вкупе с дельцами теневой экономики, получающие прибыль, в тысячу раз превышающую традиционную, предпринимательскую, чувствуют себя господами мира сего — новой рабовладельческой аристократией. Они быстро подчиняют себе тех, кто еще связан с различными формами производящей экономики, влачащими жалкое существование. Теневая и фиктивная экономики растут «расу господ», получающих в ходе мошеннических инцидентов в сотни раз больше, чем нормальные производители за долгие годы. На глазах меняется и рынок. Он теряет свой массово-демократический характер, становясь монополией богатых и сверхбогатых...

«Экономический человек», у которого полностью иссякли морально-религиозные источники активности, нашел в сфере фиктивного капитала адекватный себе мир: прибыль вне производства, богатство вне прилежания и усердия. Парадокс этого экономического человека в том, что он возвращает нас в доэкономическую перераспределительную архаику»¹.

В сущности, мы наблюдаем конец «осевого времени» (К. Ясперс): 2000 лет назад христианство реабилитировало труд и тем перевернуло мир. Сегодня человечество утрачивает это завоевание — производительная экономика вновь превращается в удел рабов и париев, дело изгоев, а хозяева сверхприбыльной теневой экономики чувствуют себя суперменами. Все прочие люди из прежней цивилизационной рамки, связавшие свою жизнь с производительной экономикой, просто доживают, и их цивилизованность сохраняется в форме пережитка. Какой же глобальный упадок должна переживать в этих условиях культура! Виртуальная паразитическая экономика, разросшаяся в современном мире как гигантский мыльный пузырь загоняет в дальний угол культуру, подобно тому, как Леонардо в шутку надувал мехами бычий пузырь и тем загонял гостя мастерской в угол.

В свое время номенклатурные экономисты просоветских режимов восточной Европы как популай повторяли фразы о непрерывном экономическом росте в соответствии с планом и улучшении уровня жизни — сегодня западные экономисты заразились этой болезнью. Как пишет Г.О. Павловский, США решили не вовремя поиграть в СССР и сформировали феномен «американского совка»² с заклинаниями в духе суловского агитпропа и риторики в духе А.А. Громыко, которого именовали Мистер «Да». Эти экономисты путают экономику с монетарными процессами, однако последние не могут протекать в отрыве от реальной экономики и существенно зависят от нее.

Отметим, что столь деформированный подход к соотношению экономики и политики установился в период «консервативной революции Тэтчер-Рейгана» в начале 80 гг., в результате чего неолитерализм стал неоспариваемой аксиомой. Возникла некая «религия денег и внешнего блеска», как говорил перебежчик из либеральных рядов Ф. Рогатин, бывший главный экономический советник Б. Клинтона и Р. Перро. В рамках этой религии, то есть при помощи разброда финансов, легкости получения кредитов и отказа от регулирования на фоне деградации системы культурных ценностей финансовые маги-экономисты превратили Америку и весь мир в «гигантское казино» — в подобие глобального Монте-Карло.

Известно, что неолитерализм стоит на идеях А. Смита и Д. Локка. Для них экономика — это процесс товарообмена на рынке, формирующий гражданское общество, права человека и равенство как культурный генокод Запада. Равенство понимается как равенство независимых партнеров, каждый из которых может нанести такой же вред другому, как и он первому. Рынок выглядит в этой перспективе как центр мощи экономики в целом. Между тем рынок лишь выявляется и обнаруживает глубинные процессы. Неолитерализм верит в магию рынка и в «алхимию финансов» (Д. Сорос — так и называется его книга). Принцип рынка — «купи дешево, продай втридорога». Механизм ценообразования в рамках спроса и предложения при этом является единственной мотивацией участников этого квазиэкономического процесса. Вопрос о производстве и об источниках человеческих и технологических вложений и поступлений на рынок представляется в этой парадигме излишним и неуместным. Более того, он объявляется неприличным. Учитываются только абстрактные законы игры спроса и предложения: «купи-продай», как говорят с иронией русские. Экономика здесь выглядит как довесок к рынку. Полный отказ от регулирования, приватизация материальной и информационной инфраструктуры экономики — два ведущих тезиса либералов.

Важнейшим фактором, обеспечивающим ведущие позиции либералов в 90 гг., явилось поражение мировой социалистической системы и крах реального социализма. По закону «отрицания отрицания», экономика свободного рынка оказалась единственно возможной логической альтернативой системе социализма: на тех же основаниях была отвергнута и регулируемая рыночная экономика. Последняя была приравнена к неолитеральной англо-американской модели капитализма. Вместе с тем, очевидно, что существует фундаментальное различие между неолитеральной моделью и европейской (французской и немецкой), японской моделями, настаивающими на развитии реальной экономики средствами политики регулирования.

Нелибералистские способы организации экономики позволяли достигать значительных успехов в ряде исторически важных ситуаций: американская система политэкономии (от

А. Гамильтона после войны за независимость) через Кэри во времена Гражданской войны, через американскую мобилизационную экономику Второй мировой войны вплоть до экономической политики Д.Ф. Кеннеди; германская экономическая традиция, идущая от Ф. Листа. Она применялась в период первого мирового экономического кризиса, а также в период реконструкции в первый послевоенный период (политика и реформы Л. Эрхарда); экономическая политика Французской республики перед Первой мировой войной, экономическая политика возрождения и развития страны при президенте Ш. де Голле и его экономическом советнике Ш. Рюэ (1958–1969 гг.).

Все перечисленные практически реализованные модели характеризуются методом «административного управления» (по-немецки это звучит характерно: *Planvolle Entwicklung*) экономикой во имя стимулирования научно-технического развития и формирования стратегически важных отраслей народного хозяйства. Планирование здесь означает промышленную политику, стоящую вне политики невмешательства капитализма и вне чрезмерной социалистической регламентации. Для де Голля таков был бы «третий путь» Европы. Модернизация французской реальной экономики в 60 гг. весьма напоминает развитие возрождающейся Германии в 50 гг.

Фундаментальной особенностью неолиберализма является «примитивное накопление», обеспечивающая разрушение производительного потенциала экономики и истощение человеческих ресурсов. Главной проблемой экономики примитивного накопления служит дефицит инвестиций в развитие материальной инфраструктуры: строительство мостов и дорог, производство энергоресурсов, благоустройство городов, машиностроительную промышленность. Примитивное накопление разрушает образование, медицину, культуру, сохраняя редкие островки высоких технологий (в Силиконовой долине, например). В промышленности США сегодня сохраняется самая низкая почасовая заработная плата, низки производительность труда и качество продукции.

Цинизм постиндустриального аскетизма. Тяжелейшее финансовое положение США и стран западного мира интересует нас исключительно в культурном разрезе: общество находящееся под «Дамокловым мечом» неспособно к спокойной жизни, оно склонно к прожиганию средств в разросшемся до национальных размеров Лас-Вегаса. Итак, размывание сбережений и опустошение рынков капитала США приводит к необходимости глобального импорта капиталов для финансирования правительственного бюджетного дефицита. Чудовищная спекуляция недвижимостью дала значительный рост средств финансовых институтов и страховых компаний, что привело к росту задолженности частных лиц как следствие затрат на покупку товаров по кредитным карточкам при одновременном сокращении реальных доходов. Рост задолженности промышленного сектора приводит к простой ликвидации производственных мощностей, а дерегулирование финансового сектора основывается на финансовых спекуляциях типа «бросовых облигаций». При этом учащаются пиратские захваты собственности, принудительные слияния, финансируемые через негарантированные кредиты. В результате несбалансированные сделки, глобализация и жесткая конкуренция создают благодатные условия всеобщего кризиса мировой экономики, в которой Запад равен Америке и мировые управленческие решения исходят из США.

Массовые убытки и разорения, столь же массовые увольнения и размывание среднего класса начались в аэрокосмической промышленности и захватили автомобилестроение, химическую промышленность и машиностроение в 90 гг. и, в конечном счете, кризис пришел в высокотехнологические отрасли, такие как производство компьютеров, на котором на рубеже тысячелетий воцарился полный застой. Падшая покупательная способность привела к эскалации кризиса в торговле, где использование кредитных карточек скрывали падение доходов среднего промышленного рабочего. Рост безработицы означал относительное и абсолютное обнищание слоя маргинализованного населения.

Уже в 1992 г. в докладе палаты представителей США сообщалось, что один из пяти американских рабочих оставался без работы в один из моментов прошлого года, каждый десятый американец живет на продовольственные карточки, каждый седьмой ребенок США живет на пособие, почти четверть студентов не могут защитить диплом, 37 миллионов человек находятся вне сферы медицинского страхования, а еще 100 миллионов не могут заплатить за медицинские услуги, 33 миллиона американцев функционально неграмотны. Что это, как не колониальный стиль? Очевидно, что банкротство экономики и политики развитого социализма дало новую и

последнюю отсрочку краха экономической политики неолиберализма. В 90 гт. неолиберализм вновь привел к депрессии, однако, неокейнсманское регулирование в этих условиях также становится невозможным ни в США, ни в Западной Европе: МВФ поставил все эти страны под свой неусыпный надзор, но главное — на Западе больше нет возможности провести антициклические, требующие затрат программы в духе Д. Кейнса. Правящие круги Запада или его финансовый истеблишмент склоняется к стратегии дефляционного аскетизма и неокорпоративизма. Первое означает снижение среднего уровня жизни посредством уменьшения доходов и роста налогов, урезания социальных программ и исчезновения Вэлфэра. Второе означает нечто иное: экономическую политику фашизма в Италии, национал-социалистическую экономическую политику министра Я. Шахта, экономическую политику шведской социал-демократии 30 гт., «новый курс» Рузвельта.

Неокорпоративизм нацелен на выплату долгов и обеспечение целостности общества, то есть на восстановление культурного кода Запада — на идею равенства возможностей. Однако долги Великой депрессии неизмеримо меньше современных «мега-долгов» и даже подключение к экономической политике государственных организаций, профсоюзов и силовых ведомств вряд ли сможет вытянуть Запад из ямы кризиса. Западу сегодня необходима национальная администрация для управления экономикой с конкретной целью национального возрождения. Приходится отказываться от великого фетиша — Демократии. Уже в 1975 г. в отчете Трехсторонней комиссии под заглавием «Кризис демократии» С.П. Хантингтон писал, что демократия — всего лишь одна из форм власти и что во многих ситуациях требования статуса, опыта и таланта отдельной личности будут иметь превосходство перед требованиями демократии как основы власти. Правительству придется требовать от населения необходимые жертвы и приступить к регулированию экономики, что означает падение «священной коровы» капитализма. Это падение означает появление фашизма — диктатуры крупной буржуазии. Есть один выход из ситуации ножниц между фиктивными суммами долга и сокращающимся потенциалом реальной экономики: развитие реальной экономики с помощью государственного кредитования при одновременном замораживании прошлых долгов.

Постиндустриализм: «После нас, хоть потоп!». Какой же тип капитализма существует в США? Ответ может быть только один: это не новый и эффективный строй, но старый капитализм. Классический капитализм заключался в долгосрочных накоплениях сбережений и ответственности перед будущими поколениями. Новая (неоамериканская) модель капитализма заключается в корпоративном управлении быстрыми и легкими прибылями на фондовом рынке посредством использования возможностей спекулятивной финансовой системы. Ответственность менеджеров заканчивается при колебаниях цены на акции. Всякий образованный человек в ужасе от такой системы сверхнакопления за счет будущих поколений, которые не учитываются на финансовом рынке. Этим поколениям предстоит унаследовать только долги.

Новая информационная революция была провозглашена инвесторам в качестве чудесной технологии обеспечения производительности, доходов и благосостояния большего, нежели промышленная революция могла обещать. И информационные технологии работали. Но только на финансовом рынке. Общая концепция заключалась в том, что новая технология обеспечит неограниченный рост, поскольку она требует малые вложения и материальные ресурсы. Кремний, песок есть вокруг нас в неограниченном количестве, а что еще нужно для чипов? Действительно, новая информтехнология требует меньше вложений, нежели промышленность. Никогда прежде мощности не наращивались столь быстро. Многим показалось, что время сбережения закончилось, и открылся «фог изобилия» для Америки и всего мира. Но скоро выяснилось, что эта технология не создает процветание и не увеличивает доходы. Получилось как с золотом в послеколумбовой истории Европы: привезенное золото Америки не обогатило Европу, а разорило ее, повысив цены на товарную массу. Тогда и возник спор об источниках богатства между меркантилистами и физиократами, монетаристами и сторонниками трудовой теории стоимости. Выяснилось, что превосходство производства над потреблением является единственным источником богатства общества в целом, а строительство заводов и производство машин создает рабочие места и обеспечивает доход, поэтому образование капитала является решающим фактором всеобщего благосостояния.

Новейшие надежды на благополучное развитие западной экономики оказались иллюзорными. Все увидели гигантский финансовый пузырь — крупнейший в истории человечества. Но-

вая экономика финансового пузыря привела к тому, что 50% населения планеты не имеют электричества и не пользуются телефоном, а генеральный план развития планеты даже не проектируется. Средняя продолжительность жизни людей на Земле упала в 1998–2000 г. как результат ущерба глобализации и постиндустриализма реальным физическим экономикам народов. Хотя падение небольшое (в год 0,2 для мужчин и 0,1 для женщин). Это первое падение с тех пор как ведется статистика продолжительности жизни — за 600 лет, с момента окончательного краха Римской империи и начала глобализации в XIII в. Правда, тогда имперским финансовым центром был не Лондон или Нью-Йорк, но Венеция, контролирующая потоки валюты и производство основных товаров на территории всей Европы вплоть до Монголии.

Вуду-культура соответствует Вуду-экономике. Миф о «человеке экономическом» создал рыночную экономику, которая возникла на основе разрушения традиционного общества и превращении каждого человека в торговца. Еще Д. Локк сформулировал и малую концепцию гражданского общества: имеющие рабочую силу и использующие свое тело как систему живут в природном состоянии, прочие имеющие капитал приобретают в собственность рабочую силу и образуют «республику собственников» для обороны от всех несобственников, ведущих войну всех против всех не по правилам гражданского общества. Иначе говоря, люди-собственники заключают общественный договор, и с этого момента начинается история.

Место Бога-часовщика заменяет естественная «невидимая рука рынка». Однако равновесие в этой системе может быть обеспечено только для ее ядра — небольшой части населения, своего рода «золотого миллиарда». Отсюда социал-дарвинизм и мальтузианство: в обществе и в экономике выживают сильнейшие. Для того, чтобы не скатиться в доиндустриальную эпоху из постиндустриализма Запад нуждается в новом общественном договоре. Нынешняя ситуация может быть сравнима с советом большинству населения мира: выключите дома свет, холодильник, не ждите врача, не посылайте ребенка в колледж, достаньте бумажник и ждите, когда придут счета за все, что Вы не можете оплатить. Большинство населения планеты не могут согласиться с таким образом жизни, который создает вуду-культуру наслаждения «Гедоникса» — новой первобытности («современной первобытности») как результат вуду-экономики.

Сейчас люди мира смотрят с надеждой и ждут спасения от катастрофы глобализации. Они нуждаются в избавлении от свободного рынка, информационной эры, от свободной торговли. Здесь необходимо применить силу и политическую волю — вернуться к развитию сельского хозяйства и промышленности, улучшению качества образования и повышению жизненного уровня. Система нового мирового порядка агонизирует, и задача заключается в том, чтобы справиться с силами и уцелеть под ее обломками с тем, чтобы построить глобальное сообщество суверенных государств-наций.

Формирование новой глобальной системы справедливого мира возможно только на основе уничтожения существующих международных финансовых институтов и монетарных систем, в результате отказа от всякого применения фритрейдерских принципов к международным отношениям. Следует отказаться от всякого культа свободного рынка и связанного с ним инструментально культа прав человека. Вопрос стоит только так: цивилизация или свободная торговля и глобализация! В противном случае миру обеспечена ужасная смерть, гибель детей и внуков каждого из нас и все из-за идеологической засоренности сознания новыми бэконовскими «идолами рынка», место которых заняли идолы свободной торговли, глобализации, реформаторской политики.

Примечания

¹ Философия истории. Под ред. А.С. Панарина. М, 1999. С.34–35.

² Павловский Г. СССРА? УССА? Америка в советском «пространстве экзистенции» // Независимая газета 2001. 27 марта.

*Е.В. Трошкина
(Екатеринбург)*

ЭТНИЧЕСКАЯ КАРТИНА МИРА

Любой человек вне зависимости от собственного желания так или иначе погружен в этническую среду, является носителем какой-то определенной картины мира. У разных народов своя этническая картина, свое представление о мире.

Как в отечественной, так и зарубежной науке достаточно много исследований посвящено изучению различий между культурами, этническими группами. Эти различия проявляются не